

ности от развратов и происков. Народ в ней старается о своих делах, а не о славе и имени некоторых. Какая тому причина, что швейцары, разделенные на толь многие области и разлученные верою, составляют республику, толь изрядно соединенную? Ибо они более взирают на свою вольность, нежели на прославление. . .» («Сокращение философии», стр. 144). Конечно, Делейр, — и тем более его русский переводчик, — при всей яркости приведенного высказывания были весьма далеки от «республиканизма». Но подобные замечания подрывали веру в абсолютную необходимость и неизбежность монархической власти как данной от бога и вечной.

Просветительские идеи гражданских прав, равновесия «власти» и «вольности» проповедовались на многих страницах книги о Бэконе. При этом острие вольнодумных выпадов было направлено против самовластия, тиранства во всех его видах. «Прочь от монархии всякое могущество самопроизвольное, — энергично восклицал автор, а вместе с ним и переводчик книги. — Уставы будут дороги народу, взирающему на них как на защиту против владычества и как на стражу надлежащая вольности» («Сокращение философии», стр. 211). В книге последовательно отстаивалось «право правосудия» между государем и народом, первенство во всем законов, которые должны быть святы и для властителя.

С вопросом о царской власти соприкасался вопрос о министрах, придворных, стоящих рядом с тронном и разделяющих с государем ответственность за правление. Для России середины XVIII века, страдающей от фаворитов — Разумовских, Шуваловых, — это был больной и близкий вопрос. «В правление Елизаветы, — явно преувеличивая, замечал историк С. В. Ешевский, — более чем когда-нибудь должно объяснять события придворными партиями и интригами».¹⁵ Многие фавориты Елизаветы могли разделить характеристику, данную в «Житии Бакона» любимцу короля Якова, Букингеми: «Таким точно образом при дворе, падшем в детство, одно самонравие любимцево располагало все главные места и все государственные должности, которые он давал или отнимал по своему хотению, без всякого другого правила в разделении казней и награждений, кроме своей гордости и легкомыслия» («Житие», стр. 65).

В «Сокращении философии» был создан и контрастный фаворитам образ — идеал просвещенного министра, способного доводами разума и справедливости убедить государя, если тот заблуждается, поддавшись воздействию «самовластных страстей». В таком качестве был представлен читателю в «Житии» сам Бэкон. Министр несет ответственность не только перед властителем,

¹⁵ С. В. Ешевский. Очерк царствования Елизаветы Петровны. В кн.: Сочинения по русской истории. М., 1900, стр. 31.